Память

Следующий день мог и не наступить…

Детство, опалённое войной, – эту известную фразу о детворе, пережившей все тяготы Великой Отечественной, можно на сто процентов отнести к судьбе Раисы Довиденко

Раиса Аксентьевна прожила долгую и трудную жизнь. Оборвалась она трагически – в 86 лет женщина попала под машину. Разбирая вещи, родственники нашли дневник, в котором бабушка рассказала о своей жизни, о том, как перенесла оккупацию. Это не просто жизнь человека, это жизнь страны через призму одной судьбы.

«Помню я себя с трёх лет, жили с мамой на съёмной квартире, в небольшом городке Рославль Смоленской области, – пишет Раиса Аксентьевна. – 1933 год: голод, мама долго болела и умерла. Я осталась одна в чужой большой семье. Спустя какое-то время меня взяла к себе на воспитание одинокая женщина Евфросинья Васильевна Некрасова. Приёмная мама работала на вагонном заводе, изготавливала болты, за хорошую работу получала дополнительный паёк. Голод нам не грозил.

Меня оставляли дома одну, и еду, которую мама готовила мне на весь день, я съедала сразу – долго не могла насытиться. Выхаживали меня, золотушную, всеми силами: мыли в отварах, давали рыбий жир. В 1937 году мы отстроили небольшой домик, по тем временам жили хорошо, а с нами семья маминого брата. Мама была известным человеком в округе, грамотная, к ней всегда обращались за советами. Детство моё было беззаботным.

Раиса Довиденко

Потом началась война…

Мамин завод эвакуировали. Ходили слухи, что весь эшелон сразу же попал под бомбёжку и был уничтожен. Обстрелы шли постоянно. Сплошное зарево от пожаров, рычащие звуки немецких танков и мотоциклов. В ночное время советские самолёты бомбили проходящие немецкие колонны. Фронт отходил всё дальше, а мы оставались с немцами. О ночном сне пришлось забыть. По улице ходили часовые. Лишний раз на улицу не выходили, только по необходимости. Если только за водой на колонку и чтобы продукты добыть. Из дома нас вышвырнули, разместили немецкий штаб. Да и оставаясь в доме, спали на полу, молились от страха. Бомбёжки не прекращались.

19 мая 1942 года наш дом разбомбили. Помню вокруг паника, плач, сидит посреди улицы молодая женщина и рыдает – потеряла грудного ребёнка. Своей приёмной мамы я нигде не вижу, люди кричат, что она убита. Бежим, не зная куда. В один из домов нас пустили. Повсюду запах крови. Он потом преследовал меня всю жизнь.

Наутро пошли к яме, где был наш дом. Увидела убитую маму и соседского 12-летнего мальчика. Тело матери забрали, и где её могила, не знаю. Меня спрятали соседи. Потом были разговоры, что кто-то, находясь в оккупированном городе, координировал налёты советских самолётов, передавал им данные, где что находится. По слухам, это была моя приёмная мама. Тетю Зосю, жену маминого брата, стали часто вызывать на допросы в гестапо. Каждый раз, уходя туда, она с нами прощалась. Но всё обошлось.

Опять сиротство, опять голод, холод. Приходится как-то жить, а мне 11 лет. Один плюс – по малолетству мне не грозило быть угнанной в Германию. Тётю Зосю спас её польский католический паспорт. Из жутких воспоминаний – отношение к евреям. Их сгоняли к старому еврейскому кладбищу, – всех поголовно, детей, женщин, стариков. Расстреливали и не хоронили. Страшное это было место: кто лежал, кто застыл полусидя, их волосы развевались на ветру.

Третий год оккупации

Живём в вырытых окопчиках. У меня густые кудрявые волосы, вши грызут нещадно. Мыться нечем. Зося после гестаповских допросов просто «потерялась». Сидела, смотрела в одну точку, курила. Мы, дети, сами искали пропитание. Ходили воровать к немцам на их склады. Таскали соль из вагонов. Подлезешь под вагон, проделываешь дырку и потихоньку сидишь, соль ссыпаешь. Опасно, патрули, часовые.

Дружили семьями, так было легче выжить. Летом ходили собирать грибы, ягоды, вязали веники. Зимой шили бурки. Бегали по полям, находили снаряды и мины. Научились определять, чьи это боеприпасы. Самолёты знали по звуку – наши или немецкие. Заранее понимали, куда упадёт бомба.

Были моменты и радостные для ребятни. Нашим пленным было приказано ремонтировать велосипеды. И они давали нам прокатиться. Это было непросто: техника тяжёлая, мы ослабленные. Падали, коленки разбивали. Но сколько было радости, если удавалось проехать! Пленным и мы, детвора, старались помочь. Носили им воду, окурки. А солдаты нам выстругивали из дерева фигурки. Со скотобойни таскали требуху, мыли в речке – непросто это было нам, детям. Но взрослым на улице и вовсе лучше было не появляться.

Поначалу немцы не сильно лютовали. Но вот когда их погнали, они озверели. Людей хватали ни за что, расстреливали. Живёшь и думаешь, что завтрашний день может и не наступить. Но пришли наши. Город начал восстанавливаться.

Победу встретила в больнице

Заразилась сыпным тифом. Болела очень долго и тяжело. После больницы забрала меня к себе мама моей подруги Ксении Федосья Фёдоровна. Сидеть на шее не хотелось – устроилась в ФЗО на столяра-вагонника. Поселилась в общежитии, работала. Придут к нам разбитые сожжённые вагоны, их надо полностью разобрать, отремонтировать. На холоде, спецовочка лёгкая, не согревает. В выходные мальчишки уезжали к родным в деревню, и нам отдавали их пайки. Так, только в выходные мы и были сытыми.

Война закончилась, а жизнь легче не становилась. Решили с подружкой ехать к её тетке в Западную Украину. Приехали – она в тюрьме за спекуляцию. Отправились в Белоруссию, где была нужда в батраках. Только там таких, как мы, полно. Даже милостыню просили. Потом при заводе на подсобном хозяйстве устроились, перерабатывали овощи. Нас все жалели, считали за своих детей. Хотя бы сыты были. Потом уволили. И мы отправились в Архангельскую область на лесоповал. Жили в бараке, мошкара донимала, работа тяжёлая. Лакомством была брусника, ведь из еды-то вода, хлеб да иногда грибы. Приходилось работать и на погрузке вагонов. Я маленькая, худенькая, а шустрая. Старалась работать на совесть. Потом меня послали учиться на машиниста. Днём занимались, вечером гуляли, смотрели на пароходы. Я никогда не унывала, всегда пела да смеялась. Мне и не верил никто, что из родных у меня никого нет».

После окончания курсов Раиса попала на электростанцию, где проработала пять лет. Сошлась с механиком Михаилом. С лесоповала уехала в Рославль, потом на Украину. Там Михаила на работу взяли, а её нет. В 1952 году завербовалась на год в Магнитогорск. Сначала работала путейцем, строила дорогу на Сибай. Родила дочку. Нашла работу поближе, на бетономешалке. Подрабатывала уборщицей. Михаил так и не приехал к семье. Но времени переживать не было – надо было выживать.

На какое-то время Раиса возвращалась в Рославль, но там не сложилось – вернулась в Магнитку, которая и стала её второй родиной. Вся трудовая жизнь прошла на железной дороге. От стрелочницы до проводника. Сначала на местных маршрутах, потом на поездах дальнего следования. Исколесила всю страну.

«Никогда не было у меня лёгкого хлеба, – вспоминала Раиса Аксентьевна. – Наград и льгот не заслужила. Жила скромно. На пенсии ещё одиннадцать лет отработала сторожем. Длинными ночами часто перебирала в памяти свою жизнь. Как бы всё сложилось, если бы мы все не помогали друг другу? Трудно доставалось пропитание, но тайком ничего не съедали, только вместе. И запасов на другой день не делали, ведь другой день мог бы и не наступить. Но он наступал. И всё начиналось сначала».

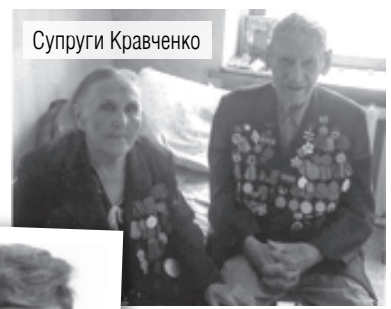
Подготовила Ольга Балабанова

Равнение

Мой командир

В этом году незадолго до Дня Победы моему деду, фронтовику-орденоносцу Петру Яковлевичу Кравченко исполнилось бы сто лет.

Он не дожил до своего векового юбилея всего восемь лет: был могуч в телосложении, характере, устремлениях, жизнелюбии, долгожительстве. Я учился у него всему, хоть он и был строг. Помню, например, как вместе чинили «Москвичок» и мотоцикл «Урал», вдвоём сеяли картофель на десяти сотках, обрабатывали землю – он всегда заряжал своим трудолюбием. А ещё он был гармонист-самоучка. В санаторий без гармони не ездил – и всегда сразу образовывал вокруг себя позитивный мирок, живое общение, с песнями, добрыми знакомыми. Мама вспоминает: в её юности одноклассники любили к ним приходить именно благодаря его хлебосольству, гостеприимности и неугомонной гармошке. Когда я подрос, мы втроём – с мамой и дедом, часто совершали пешие прогулки от села до села, и дед находил, что рассказать о каждом встреченном леске, характере окрестностей, о былом здешних мест. Уходили за многие километры, и я не замечал усталости, слушая дедовы рассказы. От него я узнавал о социальных потрясениях, богатой промышленной истории Урала и Оренбуржья. С годами всё отчётливее понимаю, что он был человеком с зорким взглядом и сердцем, острым чувством Родины и ответственностью за её судьбу.


Супруги Кравченко

Пётр Кравченко

С юности он мечтал о самом мирном, сельскохозяйственном труде: до войны отучился на агронома, после победы работал в управлении сельского хозяйства Агаповского района, возглавлял комитет по закупкам и качеству сельхозпродукции. Выйдя на пенсию, возглавил ветеранское движение в районе.

А годы войны закалили его в Курском, Сталинградском и Берлинском сражениях. Отучившись в первые месяцы боёв в лётном и военном училищах, Пётр Кравченко в Сталинграде командовал орудием в истребительной батарее гвардейского полка. Из его воспоминаний знаю, как в ходе одного из жестоких боёв на Украине, когда погиб почти весь состав орудийного расчёта, они вдвоём с подносчиком снарядов сумели подбить ещё четыре танка. После боя Пётр Яковлевич очнулся в медсанбате: все его товарищи погибли, а его самого, полузасыпанного землёй, откопали, заметив случайно.

Хлебнул Пётр Яковлевич и горечи недоверия, когда его, единственного выжившего среди товарищей, найденного полумёртвым, заподозрили в боязни за свою шкуру. Были допросы в СМЕРШе, да на счастье встретился знакомый командир, который в пух и прах разбил все обвинения: Петра Кравченко в разведке хорошо знали – не раз участвовал в сложных операциях, добывал языка, отличался отвагой.

Несмотря на все потрясения, этот человек не утратил душевной боли ни за чужую беду – как в дни, когда участвуя в освобождении концлагеря в Польше, видел свидетельства изуверств, ни за утерю товарищей, когда всё больше саднили воспоминания об ушедших навсегда. И каким теплом и горечью всегда были полны его рассказы о послевоенных майских встречах боевых друзей…

Воспоминания Петра Яковлевича сохранились в выпущенном в Агаповке в 1995 году сборнике «Они победили». «Никогда за годы войны наша армия не была такой сильной, как в те дни, – размышлял он. – Никогда ещё мы не создавали такого плотного, такого густого сосредоточения танков и артиллерии. А боевой дух наших солдат? Они ждали этого счастливого времени три долгих военных зимы и четыре долгих военных лета. Сколько родных и друзей потеряли, сколько перенесли лишений! Бросок на Берлин был для каждого солдата самым страстным желанием. Он начался 16 апреля, а 2 мая 1945 года штурмом взят Берлин. Мир нужно беречь – это святое дело», – так завершил мой дед свои воспоминания о самом трудном и славном периоде жизни своего поколения. Принимаю эти простые слова как духовный завет самого значимого в моём мужании человека, на которого равняюсь всю жизнь.

Сергей Кравченко,
прокатчик ПАО «ММК»